

Михаил Лурье

Песни о растратчиках в уличной сатире эпохи нэпа¹

Выражение «уличная сатира» заимствовано нами из предисловия и примечаний к сборнику «Песни уличных певцов», составленному известной ленинградской фольклористкой А.М. Астаховой в 1932 г., но так и не увидевшему свет². Тексты, собранные для этой книги, послужили одним из источников материала для настоящей статьи. Под уличной сатирой А.М. Астахова понимала юмористические песни на злобу дня, которые наряду с другими входили в обширный репертуар городских певцов, во множестве выступавших на рынках, барахолках, во дворах и на улицах больших городов в 1920-е гг. «Одним из распространенных жанров уличного фольклора, — пишет исследовательница в предисловии, — является сатира. Ее обычная форма — частушка. Попадают куплеты и другого типа: юмористические песни, а также пародии на известные романсы. <...> Под обстрел берется все, что занимает ленинградского обывателя, от тем большого общественно-политического значения, как вредители, летунство, прогулы, до мелких неполадок наших дней, как например блохи в кино. И куплеты и частушки несут на себе отпечаток

Михаил Лазаревич Лурье

Европейский университет
в Санкт-Петербурге
mlurie@inbox.ru

¹ Работа над статьей выполнена в рамках проекта «Городская песня XX века: сборник А.М. Астаховой “Песни уличных певцов”», поддержанного грантом РГНФ № 12-04-00285, 2012–2014 гг.

² Об этом сборнике, творческих и коммерческих практиках уличных певцов и их репертуаре подробнее см.: [Лурье 2011].

их автора-мещанина, отпечаток времени, когда в поле зрения стояли те или иные вопросы. Так эпоха нэпа отразилась в свое время темой о нэпмане, о возвращении эмигрантов, изображением той накипи, которую эта эпоха принесла: пьянства управделов, взятки в трестах, хищений на теплых местечках и т.д. <...> Как для частушек, так и для юмористических песен характерна обывательская, мещанская трактовка якобы советской темы» [РО ИРЛИ. Р. V. К. 25. П. 7 (№ 1). Л. 35—37]¹.

Однако надо иметь в виду, что репертуар уличных певцов, и сам по себе формировавшийся из множества различных источников (от старого фонда фольклорной романсовой лирики до произведений профессиональной и самодеятельной эстрады и текстов собственного сочинения исполнителей), не замыкался в своем бытовании уличными выступлениями. Об этом писала и сама Астахова, отмечая, что уличная песня «усваивается и продолжает жить за пределами уличной эстрады. Листочки с отпечатанными текстами, продаваемые за 20—25 коп., берутся нарасхват. Напевание той или иной популярной песни приходилось слышать в самой разнообразной обстановке и в различных социальных и половозрастных группах. (В дачном поселке от мальчиков школьного возраста, в лесу от девушек-грибниц, в поезде от рабочей молодежи, едущей в дом отдыха и т.д.) <...> В комсомольской среде еще полностью не изжито влияние уличных песен. В тетрадках с записями песен, которые ведутся некоторыми работницами, в значительном количестве встречаются уличные песни. Уличная песня усваивается детьми и подростками. Об этом говорят наблюдения над репертуаром в детдомах, ФЗУ и т.д. Уличные песни проникают в деревню, о чем свидетельствуют поступающие из разных мест материалы» [РО ИРЛИ. Р. V. К. 25. П. 7 (№ 1). Л. 10—11]. Все сказанное в полной мере относится и к сатирическим песням, что подтверждают факты их фиксации во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. в разных городах от рабочих, беспризорников, заключенных. Эти записи составили второй источник нашего материала, и само обозначение «уличная сатира» (как и более общие — «уличная эстрада», «уличная песня») мы, естественно, будем применять ко всем текстам независимо от характера бытования конкретного варианта.

¹ В соответствии с приведенной в цитате классовой оценкой раздел сборника, в который вошли частушки и куплетные циклы, озаглавлен составительницей «мещанская сатира» [РО ИРЛИ. Р. V. К. 25. П. 7 (№ 1). Л. 191]. В.А. Мещанинова, собиравшая в конце 1920-х — начале 1930-х гг. материалы по современной городской песне, использует не менее характерное обозначение подобного явления — «базарная эстрада» [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 510]. Здесь и далее во всех случаях цитаты приводятся с полным сохранением орфографии, пунктуации и строфики оригинала.

1. В газете и в куплете

Группа песен уличной сатиры, о которых пойдет речь ниже, — песни о преступлениях и наказаниях растратчиков. Они возникли как реакция на кампанию по борьбе с растратами и хищениями, развернутую начиная с 1924 г. вслед за предшествовавшей ей кампанией против взяточничества. Ее пик, судя по всему, пришелся на 1925–1927 гг. По данным брошюры «Борьба с растратами», выпущенной в 1925 г. Московским губернским судом, в народные суды Москвы поступило за весь 1924 г. 73 дела о растрате, а за первое полугодие 1925 г. — 391, т.е. почти в 11 раз больше, чем за весь прошедший год (по Московской губернии та же цифра за те же периоды выросла в 20 раз). Причем, как справедливо замечает автор, дело не в том, что растратчиков стало больше, а в том, что их стали чаще уличать и судить. Согласно той же брошюре, в судах Москвы и Московской губернии в январе 1925 г. по соответствующим статьям был осужден 71 человек, а в июне — уже 150, причем к лишению свободы сроком более чем на год из январских осужденных было приговорено 4,2 %, а из июньских — 18 % [Стельмахович 1925: 6, 20].

Характерно, что цитируемое выше издание, посвященное анализу подобного рода данных и соображениям о том, как нужно учитывать их в борьбе с растратами и профилактике этого явления, заканчивается патетическим пассажем: «И с этим внутренним врагом — растратчиком мы начнем сейчас планомерную борьбу и путем репрессии, и путем непрекращающегося улучшения аппарата, и путем точного учета и контроля, и, наконец, привлечением внимания к этому величайшему злу со стороны широчайших масс рабочих и крестьян нашего Союза» [Стельмахович 1925: 24]. В эти годы одно за другим выходят постановления центральных и местных органов партии, советской власти, потребительской кооперации¹, а «на местах» во множестве публикуются брошюры, перепечатавающие и комментирующие их². Нужно ли говорить, что количество изданной в то время литературы на эту тему исчисляется десятками публикаций самого разного характера, от статей в периодике и отдельных изданий, обсуждающих юридические и кримина-

¹ См., например, циркуляр Наркомюста от 22 июня 1925 г. № 121 «О мероприятиях по борьбе с растратами», письмо-инструкция Центросоюза (Всероссийского центрального союза потребительских обществ) от 22 августа 1925 г. (утверждено Правлением Центросоюза 17 августа 1925 г.) «О борьбе с растратами, хищениями и недостатками товаров и других ценностей в сельских, городских и транспортных Потребительных Обществах», постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с хищениями и растратами в кооперативных организациях» (Известия ЦИК и ВЦИК. 1926, 6 янв. № 4) и др.

² См., например: [Борьба с растратами 1925; Мероприятия по борьбе с хищениями 1926; Информационно-директивное письмо о растратах 1927] и мн. др.

листические аспекты растраты и вопросы связанной с ней судебной практики¹, до произведений художественной сатиры².

Особенно большое количество популярных изданий, объясняющих, какой вред наносят растратчики и расхитители каждому кооперативу и всему народному хозяйству и какие меры борьбы с этим злом необходимо предпринимать, было адресовано членам кооперативов. «У кооперации нет врага злее, чем растратчик, — такими словами начинается брошюра “Растрат не допускай, растратчиков не милуй”. — Растратчик — это червь. Заберется он в кооперацию и начнет ее поедом есть изнутри, да так, чтобы сверху-то все было гладко, шито-крыто, чтоб никто не мог ему помешать выточить из нее денежки и товары» [Растрат не допускай 1926: 3]. Другой массив изданий представляет собой агитационные материалы, такие, например, как «Кооперативный агитсуд над растратчиком кооперативного имущества», который, как указывает автор в предисловии, еще до публикации в столичном издании «прошел с успехом в пяти рабочих клубах г. Симферополя» [Гутырь 1927: 4].

¹ См., например: М. Чельшев «Борьба судебных органов с растратами» [Чельшев 1925], Н. Яковченко «О борьбе с растратами» [Яковченко 1925], Б. Арсеньев «Дела о растратах» [Арсеньев 1925], А.А. Иогансен «Растраты и хищения» [Иогансен 1926], сборник статей «Растраты и растратчики» [1926б] и мн. др.

² Так, уже через два дня после публикации упомянутого выше постановления ЦК ВКП(б) в «Правде» было напечатано стихотворение Демьяна Бедного «Хорошо!» [Бедный 1926], в котором героя, «коммуниста из потребилки», за расхищение и растрату присуждают к расстрелу. Известной повести В. Катаева «Растратчики» [Катаев 1926] предшествовал его рассказ на ту же тему «Мрачный случай» [Катаев 1925]. См. также сборник сатирических рассказов «Растраты и растратчики» [1926а].

Превалирующее внимание к кооперативному случаю было связано с тем, что чаще всего растраты совершались в потребительных кооперативах, и прежде всего это касалось села и провинции. В крупных же городах совершались наиболее значительные по размеру растраты и большее их количество приходилось на государственные учреждения. Так, среди рассматривавшихся в судах Москвы с января по июнь 1925 г. дел о растрате из 391 случая 219 произошли в государственных учреждениях и на предприятиях. Соответственно, растратчиками становились государственные служащие.

Именно такой, городской, вариант растратной истории сделался предметом сатирических песен и куплетов, творившихся преимущественно на столичной культурной сцене. Типичный их герой — «ответственный работник», в ведении которого находится производство, торговля или строительство; стандартная сюжетная схема — растрата, проверка, суд, тюрьма. Так, одна из песен рассказывает историю о директоре торгового отдела в «состоятельном» тресте:

А кругом звонки, телефончики
Целый день все звонят без конца,
И с 10-ти до трех все червончики,
Добывает он в поте лица.

Директор пытается завести интрижку с хорошенькой машинисткой:

Подзавив усы свои кисточкой
И поправив свои галифе,
Раз директор наш машинисточке
Предлагает прогулку в кафэ, —

и та решает проявить к нему благосклонность, причем исключительно из корыстолюбивых соображений:

«У директора есть червончики,
У меня — голубые глаза».

Далее неожиданно пришедшая в отдел «ревизия любопытная» замечает растрату:

Обнаружила, что червончики
Улетучились, словно бензин.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 516]¹

Приведенные фрагменты взяты из текста, записанного в 1928 г. Финальный элемент сюжета — суд и наказание — наиболее

¹ «Записала одна из студенток 2 МГУ. Слышала зимою 1928 г.» [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 516].

развернуто представлен в другом варианте, полученном тремя годами позже, но, судя по полноте и «гладкости» текста, близком к исходному¹.

Как и надо ждать без сомнения,
Горемыке никто не помог,
У суда своя бухгалтерия,
И хороший выходит итог.
За духи, цветы и кулончики
Променял он свободу и честь,
За рублевки и червончики
С изоляцией годиков шесть.
[РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 164–165]²

Другой пример — песня о директоре Сеньке³, который «правил заводом, как царь», «пил шампанское и омары ел» и предавался всем буржуазным удовольствиям на советские деньги:

В центре города по балам ходил,
Полюбил всей душою цыган
И по рублику, по червончику
Разгружал он советский карман.

Развязка та же: на завод явились ревизоры и «обнаружили недостатки — пятьсот тысяч одних кирпичей»:

Ну а в кассе как покопалися —
Там растрата, о ужас, кошмар!
В складе тоже там обнаружен был
Был расхищен различный товар.

За растрату и расхищение «Сенька сел на высокой скамье» и в результате оказывается «на годов пяток в душной, мрачной Бутырской тюрьме» [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 517–518]⁴.

По той же самой модели сочинен текст (не получивший, вероятно, фольклорного распространения) о растрате группой

¹ Этот текст, озаглавленный «Растратчик», А.М. Астахова купила на листке у уличного певца в Ленинграде и в окончательный состав сборника не включила. В примечании исследовательница характеризует песню следующим образом: «Типичный эстрадный номер. Образец пошлости и мещанства, заполнявших в недавние годы нашу эстраду» [РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 278].

² «Печатается по тексту, писанному Н.А. Шуваловым печатными буквами, приобретенному от В.А. Егорова 15 марта 1931 года» [Там же. Л. 278].

³ По справедливому замечанию С.Ю. Неклюдова, эта песня является пародическим продолжением исходных «Кирпичиков», в финале которых герой, рабочий Сенька, становится директором советского завода Семеном [Неклюдов 2005: 280].

⁴ «Из материалов “Института Изучения Преступности”. Сообщила Э.В. Гофман» [Там же].

«ответственных лиц» средств, выделенных на строительство кирпичного здания треста:

Архитекторы все бывалые,
Два бухгалтера и казначей.
Сумму выдали им немалую
Для постройки купить кирпичей.

Как и в других случаях, деньги тратятся на веселую и пьяную жизнь¹:

А постройку-то Русской горькою,
Заливают фундамент они.
Так сменялася ночка зорькою,
Зорька ночью, а сночкою [sic!] дни.
<...>

Посмотрел тут трест дело тянется,
А пропало уж дело пиши.
А пока Р.К.И.² разбиралось,
От тех денег остались гроши.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 527. Л. 1–1об.]³

К этой же группе примыкает и песня о растратчиках-фальшивомонетчиках. Ее герой, монетчик Сенька, открывает собственный «червонный завод» (возможно, имеется в виду изготовление фальшивых денег), впоследствии встречает «на заводе том» свою любовь Катю, роман с которой продолжается безоблачно, пока героям не захотелось красивой жизни — дальше история развивается по известной канве:

Там нашли они вина старые,
Поистратив рублей восемьсот,
И решили они, Сенька с Катей,
Отпечатывать вновь на завод.
Но как водится, из Губрозыска
По заводу ударило вдруг,
Сеньку сцапали вместе с Катей
И червончиков тысячу штук.
<...>

¹ Устойчивый мотив ресторанного разгула и пьянки на казенные деньги, с одной стороны, восходит к идеологически мотивированному стереотипу, согласно которому растратчик (причем в первую очередь именно «городской»), отвержен мещанским ценностям и пристрастиям, в чем проявляется его классовая чуждость, с другой стороны, находит определенное соответствие в наблюдениях судебной аналитики: так, по данным Стельмаховича, среди основных мотивов, толкавших к растрате, пьянство составляло 22,1 %, т.е. более чем каждый пятый случай (еще 10,8 % приходится на «проигрыш» и 1,6 % — на «бег») [Стельмахович 1925: 18].

² РКИ, или Рабкрин — Рабоче-крестьянская инспекция, существовавшая с 1920 по 1934 г. система органов власти, занимавшихся вопросами государственного контроля.

³ «Переписал М. Кошев. 18/III 35 г.» [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 527. Л. 1–1об.].

И сидят они за решеткою
Вспоминают червонный завод.
Вот за Сеньку то, за мошенника,
Полюбила Катюша завод.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 519]¹

2. Червончики и червонцы

Помимо общего предмета обличения, известные нам сатирические песни о финансовых преступлениях характеризуются и очевидным формальным единством: все они написаны на ритмико-мелодической основе песни «Кирпичики», а некоторые к тому же непосредственно соотнесены с оригиналом на уровне героев, сюжета, деталей, отдельных конструкций текста. Из таких соответствий в контексте данной статьи нас интересует одно: в большинстве наших песен в качестве «ключевого слова» на месте *кирпичиков* выступают *червончики*. На этот повторяющийся прием уже указывали исследователи, комментировавшие данные тексты. Так, А.М. Астахова в цитированном выше примечании к «Растратчику» пишет: «Мотив кирпичиков заменяется в куплетах мотивом “червончиков”, проведенном через все 7-е стихи строф» [РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 278]. (Добавим: из трех известных нам вариантов этой песни рефренная функция *червончиков* нигде не реализована настолько последовательно, как в астаховском тексте.)

В статье, посвященной «Кирпичикам» и их многочисленным переработкам, С.Ю. Неклюдов, анализируя художественные средства, обеспечивающие преемственность разных переделок по отношению к оригиналу, делает несколько замечаний, касающихся использования *червончиков* в трех песнях из нашей группы: «Формула *по рублику, по червончику* [в песне о директоре Сеньке. — *М.Л.*] возникает как параллель к формуле *по винтику, по кирпичику* (в свою очередь прямо воспроизведенной из первотекста); в последующей традиции *червончики* начинают устойчиво “рифмоваться” с *кирпичиками*. В версии 5² [о директоре и машинистке. — *М. Л.*] тема *червончиков* становится сквозной (*За полмесяца шесть червончиков / Получала девица тогда... У директора есть червончики, / У меня — голубые глаза... А червончики и пятерочки / Улетучились, словно бензин... Я готов отдать вам червончики, / Но сидеть я за вас не хочу!*). <...> Версия 6 [о фальшивомонетчиках Сеньке и Кате. — *М.Л.*]

¹ «Из материалов “Института Изучения Преступности”». Сообщила Э.В. Гофман» [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 519].

² Номера в статье Неклюдова отсылают к текстовому приложению. В скобках мы даем пояснение, о какой песне из рассматриваемых нами идет речь.

разрабатывает уже заявленную тему *червончиков*. <...> Параллелизм *кирпичиков* и *червончиков* здесь используется как конструктивный способ текстопорождения, слова *червончики*, *червонный* прямо замещают *кирпичики*, *кирпичный* из первотекста: *червонный завод* вместо *кирпичный завод*, *за червончики* вместо *за кирпичики*. Во вводном куплете песни сообщает об этой замене как о вполне сознательном приеме (*Не “Кирпичики”, а “Червончики” / Называю я песню свою...*)» [Неклюдов 2005: 281, 282].

Таким образом, речь по сути идет об особой «субтрадиции» в традиции уличной эстрады той эпохи — переделках «Кирпичиков» о растратчиках червончиков. Единственный из приведенных выше текстов, в котором нет упоминания *червончиков*, — это песня о растрате денег, выделенных на кирпичную постройку, но и этому исключению есть свое объяснение. С одной стороны, преемственность по отношению к прототексту обеспечивается здесь другим образом — посредством многократного упоминания *кирпичей*, причем всегда в сильной позиции конца строки, т.е. так же, как червончики в других текстах: *Обязательно из кирпичей; Для постройки купить кирпичей; Вместо красных простых кирпичей; Вместо здания да кирпичного*. С другой стороны, если принять на веру сообщение собирателя, что «стихотворение сочинено группой арестантов, сидящих за растрату на строительстве в Малмыжском “домзаке” в 1928 году», т.е. самими героями событий, то становится понятно, почему ставшие поэтической формулой *червончики* оказались здесь непозволительно условной деталью и уступили место указанию на вполне конкретную, точно названную и даже совсем не круглую сумму растраты:

Вот возьми ты их да и высеки,
Потерпел брат убытокчестрест.
Так заплакали сто три тысячи
На их место поставили крест.

Однако бросающееся в глаза пристрастие текстов рассматриваемых песен к *червончикам* имеет не только генетические основания — как модификация *кирпичиков* исходного текста, связывающая переделку с оригиналом. Уже к моменту появления песни-источника почва для актуализации *червончиков* была хорошо подготовлена введением новой советской денежной единицы и сопутствовавшими этому процессами и текстами. В 1922 г. советское правительство начало проводить реформу сильно расстроенной за предыдущие годы системы денежного обращения, и ее основной целью было введение устойчивой валюты, имеющей «золотое обеспечение». После дискуссии о названии новой денежной единицы, в ходе которой предлагались такие варианты, как «целковый» и «федер-

рал», было решено использовать слово «червонец». С одной стороны, это наименование воспринималось как традиционное и привычное (в отличие от «федерала» — неологизма, очевидно, созданного по образцу «империала»): узнаваемость имени должна была помочь новым деньгам получить доверие со стороны населения. Заметим, это было не самой простой задачей для страны, на территории которой за последние годы находилось в обращении несколько десятков различных денежных единиц, а основная официальная государственная валюта — исчисляемые в рублях «совзнаки» — каждый год обесценивалась на несколько порядков, несмотря на регулярные деноминации. С другой стороны, «червонец» отчетливо ассоциировался с золотой монетой, что удачно соответствовало придаваемому новым деньгам статусу надежно обеспеченной валюты, подлежащей обмену на золото, — в отличие от «целкового», традиционно служившего наименованием рубля, в то время как новые «твердые» червонцы противопоставлялись существующим эмиссионным рублям («совзнакам»), с которыми им некоторое время предстояло иметь параллельное хождение.

11 октября 1922 г. Совнарком издал декрет, согласно которому должны были быть выпущены и введены в обращение банковские билеты в золотом исчислении, достоинство которых выражалось бы в червонцах¹. Советские червонцы выпускались в виде банкнот различного номинала (а также, в основном для внешней торговли, в виде золотых монет). Хотя по закону они представляли собой кредитные деньги и не являлись платежным средством, они достаточно быстро вошли в оборот. Однако этот процесс проходил далеко не гладко. Некоторое недоверие к червонцам было вызвано, в частности, тем, что банкноты были односторонней печати: они имели изображение, цифры и текст только на аверсе, а реверс был пустым, за что они получили прозвище «белые деньги». К тому же червонцы были слишком дорогими для многих случаев расчета и для размена. Опираясь на газетные публикации 1922–1924 гг., известный бонист М.Г. Глейзер приводит, в частности, следующие факты: «Размен червонцев на совзнаки не всегда происходил нормально. Так, в Самарской губернии за размен червонцев на совзнаки на черной бирже брали с крестьян по 100–200 рублей. Аналогичное положение существовало и в других местах. Еще летом 1923 года бывали случаи нежелания крестьян или рабочих принимать червонцы не только на окраинах, как в Туркестане, но и в таких центрах как Петроград. Если в Новороссийске во второй половине августа

¹ Декрет СНК РСФСР «О предоставлении Госбанку права выпуска банковых билетов» (Известия. 1922, 12 окт. С. 5).

1923 года грузчики получали на десять человек купюру в 25 червонцев, которую нигде нельзя было разменять, то они были вынуждены ходить затем десятками по магазинам и, в конце концов, “чтобы разменять деньги, покупали в большом количестве вино”, и это представляло еще не самый красочный пример тех затруднений, которые вызывал разменный кризис» [Глейзер 1993: 28].

Вокруг червонцев была развернута и особая агитационная кампания, направленная на разъяснение их свойств и функций, на повышение доверия к ним, а также на сопровождение следующей денежной реформы (1924), в результате которой взамен совзнаков появились «твердые» («золотые») рубли и копейки, в свою очередь привязанные уже к червонцу. Так, в 1924 г. издательство «Красная новь» выпустило брошюру под названием «Червонец», которая содержала следующие главы: «Что такое червонец», «Зачем выпущены червонцы», «Червонец укрепляет наше хозяйство», «Червонец и новые казначейские билеты», «Червонец в крестьянском хозяйстве». Один из первых абзацев книжки содержит характерный пассаж: «Кто видел червонец, тот знает, что он тоже сделан из бумаги, как и советские деньги. Выходит, будто дело только в названии. Но в действительности разница большая, такая разница, которая ставит червонец на особое место и заставляет нас поподробнее о нем говорить». Далее следуют написанные нарочито простыми словами разъяснения функций, отличий и достоинств червонца, а в конце автор подводит итог: «И теперь мы видим, что червонец — это не простая белая бумажка, а наш лучший помощник в деле возрождения хозяйства» [Смушков 1924: 3–4, 18].

Другой пример, более агитационного, нежели просветительского характера, — сказка в стихах «С.С.Р.-ский червонец», вышедшая в том же году в Ростове-на-Дону. Начинается она так:

На советском небосклоне,
Где родился красный клич,
Где истлели в пепле троны,
Там — где жил родной Ильич,
Народился в Совнаркоме —
Комсомолец-сорванец,
Ему дали имя скромно:
С.С.Р.-ский че-рво-нец...
<...>
Рос червонец очень скоро,
Из Москвы попал в Ростов —
Быстро мчался, как в моторе,
Среди сел и городов...
Не по дням, а по минутам
Рос червонец-богатырь —
Иностранная валюта
Шибко шла «под монастырь».

Постоянно вырастая и вскоре вытеснив с внутреннего рынка доллар, марку, фунт и франк (эта часть повествования составляет основной объем поэмы), герой решает остановиться в росте («свою “твердость” показать»), а заодно сжечь со света старые советские деньги и воплотиться в серебре — так автор подготавливал читателя к грядущей реформе, в ходе которой предполагался выпуск не только новых бумажных рублей, но и серебряных монет:

Все совзнаки истрепались
В скачке бешеной такой,
И куда-то закопались,
Чтобы дать костям покой.
А червонец улыбался,
На чеканку в Центр летел —
В серебро переливался,
Чтоб посыпать в Финотдел.
[Борисов 1924: 3–4, 14–15]

Образцы такого рода продукции тех лет достаточно многочисленны. Подобные агитационные тексты, материалы прессы, разговоры и обсуждения вокруг новой денежной единицы и новых денежных знаков, повседневные финансовые практики — все это обусловило внимание к червонцам и уличной сцене. Если внимательнее присмотреться к текстам песен о рас-
тратчиках, то и в них можно увидеть отражение реалий

денежного обращения тех лет. Так, рубли и червонцы в песнях регулярно упоминаются в паре:

И по рублику, по червончику
Разгружал он советский карман.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 517]

За рублевки и червончики
С изоляцией годиков шесть.
[РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 165]

Такое употребление связано с тем, что слова «червонец» и «рубель» выступали тогда как обозначения различных денежных единиц (а не рублевых купюр разного достоинства). Более того, в одном фрагменте эта пара встроена в противительную конструкцию:

А кругом звонки, телефончики,
Сам директор звонил без конца,
И не рублики, а червончики
Зарабатывал в поте лица.
[РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 164]

Строго говоря, такое противопоставление могло иметь различный смысл в зависимости от того, какие рублики имелись в виду. Если речь шла о новых, «золотых», рублях, введенных реформой 1924 г. в качестве общесоюзной валюты, то их стоимость по отношению к червонцу должна была составлять 10 рублей за 1 червонец. Если же, однако, подразумевались прежние, эмиссионные, рубли (совзнаки), то ситуация выглядит иначе: в момент выкупа их у населения стоимость одного червонца исчислялась в 500 миллиардов рублей совзнаками. Первые переделки «Кирпичиков» могли возникнуть не ранее 1924 г., а вывод из обращения совзнаков с заменой на новые денежные единицы в большинстве регионов СССР проходил с марта по август 1924 г. Соответственно, второй вариант понимания «рубликов» в приведенном тексте если и мог иметь место, то скорее в качестве анахронизма (что, впрочем, не редкость в фольклоре).

В том же пространным тексте песни о директоре отдела, полученном от уличного певца, есть и такой куплет:

Ну а в кассе той лишь талончики,
Да пятак почерневший один.
Мелочь медная и червончики
Улетучились, словно бензин.
[РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 165]¹

¹ Оставим *талончики* будущим комментаторам, а что касается *пятака* и *мелочи медной*, то речь идет о медных монетах, введенных в обращение в ходе той же реформы 1924 г. (Декрет ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 года «О чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты советского образца»).

Интересно, что в другом варианте, записанном от работницы завода и, очевидно, являющемся результатом фольклорного варьирования текста, изначально сочиненного для эстрады, этот куплет выглядит так:

В кассе была лишь рублевочка
Да пятак почерневший один,
А червончики и пятерочки?
Улетучились словно бензин.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 503. Л. 31]

Помимо уже знакомого противопоставления *рублевочки* — *червончики* отметим смещение акцентов: в (предположительно) исходном авторском тексте подчеркивается, что директор растратил на свою любовницу все заводские деньги вплоть до медной мелочи, от которой остался один пятак. В варианте же фольклорного бытования говорится о растрате прежде всего крупных денег: пять рублей — максимальное достоинство рублевых купюр образца 1924 г., а червонцы были более крупными денежными единицами, причем в обращении были и банкноты высокого достоинства — в 10 и 25 червонцев.

Итак, червонцы, занявшие столь устойчивые позиции в песнях о растратчиках, расхитителях и фальшивомонетчиках под влиянием традиции переработок «Кирпичиков», предполагавшей создание в производных текстах узнаваемых «параллельных мест» и вызвавшей к жизни в качестве одной из таких параллелей *червончики*, тем не менее оказались в песнях уличной сатиры отнюдь не случайно. Во-первых, именно эта денежная единица, прочно ассоциировавшаяся с «большими деньгами», с торговым и промышленным финансовым оборотом, была в момент создания песни наиболее — если не исключительно — уместна для использования в текстах с сюжетами растраты или подделки крупных сумм. Во-вторых, в начале — середине 1920-х гг. новые советские червонцы были сами по себе предметом общественных переживаний и своего рода злободневной темой, что всегда чутко улавливалось и учитывалось уличной эстрадой.

Кстати, среди известных нам уличных песен о растратчиках есть и такой текст, в котором употребляется собственно слово «червонец» (а не деминутив). Это один из куплетов сатирического куплетного цикла, тоже использующего ритмико-мелодическую основу «Кирпичиков», но в структурном отношении наиболее отдаленного от оригинала, связь с которым поддерживается лишь одним из вариантов названия («Новые кирпичики») и рефреном «огреть по башке кирпичом». Первый куплет этого куплета выглядит так:

На суде у нас много нового:
 Про растратчиков все говорят, —
 Деньги тратятся все народные,
 В ресторанах червонцы летят.
 [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 511]¹

Заметим, кстати, что в свернутом и обобщенном виде здесь практически полностью воспроизведена общая фабульная схема, известная нам по другим, полносюжетным, песням: некто тратит народные деньги на рестораны и попадает под суд как растратчик.

Так «базарная эстрада», будучи органической частью культурного пространства города эпохи нэпа, реагировала на любые шаги государства, непосредственно затрагивавшие сферу городской повседневности, будь то нововведения в области права, в финансовой системе или в какой-либо другой сфере. При этом, как мы попытались показать, нововведения советской власти, становившиеся материалом уличной сатиры, попадали в нее не из самих законов и постановлений (и, разумеется, не из реальности «как таковой»), а из опосредующих источников: профессиональной эстрады, сатирической, популярно-просветительской и агитационной литературы, художественной самостоятельности трудовых коллективов, публикаций газетной периодики, слухов и пересудов, бытовых рассказов, быстро отливавшихся в устойчивые сюжеты и получавших фольклорное хождение. Уличная эстрада выступала инстанцией вторичной переработки и трансляции актуальных тем и фактов. Даже на двух рассмотренных случаях, тематически ограниченных лишь сюжетами, затрагивающими денежные отношения, можно увидеть, как чутко городская уличная сатирическая песня учитывала индекс злободневности своего материала в качестве ресурса собственной востребованности, что в свою очередь часто обеспечивало произведениям «отрыв» от базарных подмостков и дальнейшее более широкое распространение — в том числе и посредством классических механизмов фольклорной трансмиссии.

3. Деньги и любовь

В заключение мы остановимся еще на одной особенности песен о растратчиках, и, как попытаемся показать, не только о них. В неоднократно цитируемой здесь статье С.Ю. Неклюдов, комментируя песню о директоре и машинистке, замечает:

¹ Из коллекции В.А. Мещаниновой. «Куплено в Харькове, на Горке Науки в 1929 г.» [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 511].

«Второй мотив¹ (со своей литературной историей и богатым литературным контекстом) — девица-хищница, не только обирающая героя, но и доводящая его до судебного преследования (песня резюмирует: *Ах вы, девочки, вы, бутончики, / Я к вам сердцем горячим лечу, / Я готов отдать вам червончики, / Но сидеть я за вас не хочу!*). Он также имеет продолжение в песенной традиции «Кирпичиков», прежде всего в версии 9е и 10» [Неклюдов 2005: 281]. Точность определения указанного женского типа подтверждается в особенности тем вариантом песни, который обнаружился в материалах А.М. Астаховой. Если в тексте, на который опирается автор исследования о «Кирпичиках», машинистка, получавшая «за полмесяца три червончика», всего лишь расчетливо соглашается на роман с обеспеченным начальником, а дальше сообщается только о том, что директор впал в серьезную любовную зависимость:

Полюбил сильнее машинисточку,
Каждый день он все больше худел, —

то в упомянутом уже не раз «Растратчике» отдельный куплет посвящен реализации сценария, ведущего ее к обогащению, а ее любовника — все дальше по преступному пути:

И обычная тут история:
Машинистка хитра и умна,
Уж не вдруг дана категория:
Секретаршею стала она.
А директор ей пальцев кончики
Целовал без конца и забот,
Вереницею шли червончики
За часы сверхурочных работ.
[РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 164–165]

Однако материал подсказывает нам существование закономерности другого порядка, чем повторяемость одного мотива или образа в фольклорных переработках одного источника. С одной стороны, тот же образ расчетливой любовницы растратчика присутствует и в текстах, не являющихся переработками «Кирпичиков», — например, в песне о советской барышне Клавочке, упоминаемой Ю.М. Соколовым в ранней редакции его учебника и, судя по стихотворному размеру и строфике, написанной на

¹ Первым отмечен «мотив расхищенных денег». В контексте анализа переделок «Кирпичиков» как единой традиции выделение растраты в качестве отдельного мотива, возможно, имеет смысл, поскольку он может быть проинтерпретирован как сниженная модификация мотивов разрушения / разграбления завода, опустошения войной страны и т.п., характерных как для исходного текста, так и для некоторых наиболее близких к нему вариаций. В нашем случае — при рассмотрении собственно песен (не только сюжетных и не только восходящих к «Кирпичикам») о растратчиках как тематической группы — обсуждать растрату / расхищение как один из мотивов было бы, разумеется, тавтологией.

ритмико-мелодической основе песни «Гоп со смыком» или какого-то близкого к ней пятистрочника. Соколов пишет: «Еще большей известностью пользуются куплеты “Про Клавочку” литературно-эстрадного происхождения. Популярность этой песенки отмечается в том вводном куплете, который исполнялся часто в виде интродукции к пению беспризорниками где-нибудь в вагонах поездов и трамваев или на бульварах и площадях:

Я гражданин Ресефесере.
Разрешите песню спеть вам мне,
Песенку про Клавочку,
Про большую славочку,
Что заслужила Клавочка
В Ресефесере.

И далее идет песня про “спеца молодого, спеца с губпродкома, в чине эконома”, который влюбился в Клавочку, “барышню советскую” и готов был “за Клавочку отдать весь губпродком”. Но “спец проворовался, на Чеку нарвался, прямо за решетку угодил”» [Соколов 1932: 62].

В упоминавшемся выше стихотворении Демьяна Бедного «Хорошо!» (1926) от имени такой «девицы-хищницы» ведется все повествование — и все с тем же стандартным сюжетом (мы не беремся однозначно утверждать, где этот женский тип в связи с темой растрат и хищений появился впервые — в профессиональной сатире или уличной):

Закружила коммуниста.
Хорошо.
Подарил он мне монисто.
Хорошо.
<...>
В потребилке был он главным.
Хорошо.
Бесконтрольным, самоправным.
Хорошо.
Вина, фрукты, сласти — груда!
Хорошо.
Все тащил он мне оттуда.
Хорошо.

В финале «червонного короля» героини приговаривают к расстрелу, и она подыскивает новую жертву:

Дураков на белом свете...
Хорошо.
Есть «бубновый» на примете!
Хорошо!
[Бедный 1926]

С другой стороны, в переделках «Кирпичиков», где отсутствует искомый женский тип, «любовная линия» в том или ином виде все равно имеется. Так, в песне о «монетчиках» Сеньке и Кате разворачивается полноценная история любви, почти слово в слово с оригиналом живописуются трогательные отношения влюбленных:

На заводе том Катьку встретил он.
Как бывало слышат гудок,
Побросают все и бегут вдвоем,
Под собою не чувствуют ног.

Героиня здесь никак не соотносится с типом красотки-вымогательницы, она разделяет и преступление, и наказание со своим возлюбленным, хотя история их совместного падения, если присмотреться, началась именно с Катькиного пожелания, да еще и обусловленного ее девичьей биографией, т.е. собственно с женской прихоти:

После Смольного, житья вольного,
Захотелось тут Катеньке вдруг,
И решили они вместе с Сенькою
В ресторанчик одни заглянуть.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 519]

В остальных песнях, упоминавшихся в первых главках статьи, мотив роковой роли конкретной женщины в судьбе растратчика отсутствует, тем не менее ни одна из них не обходится без любовных связей героя-растратчика с женщинами, хотя бы мимолетных и вскользь упоминаемых: во всех трех историях одним из главных интересов, толкавших героев на то, чтобы, забыв совесть и страх, сорить казенными деньгами, был интерес эротический. В песне о директоре Сеньке об этом сообщается недвусмысленно:

Каждую ночь проводил Семен
Средь знакомых цыган и девиц,
Шансонетками увлекался он,
Обожал и изящных девиц.

Не случайно в следующем же куплете идет речь о разрушенном семейном счастье:

Но нарушилась жизнь семейная,
Ненавидит уж Сеньку жена:
«Быть директоршей не желаю я»
В исступлении кричала она.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 517]

Текст песни о группе строителей-растратчиков тоже включает особый куплет, из которого слушателю должно стать понятно,

что основная часть растраченных ста трех тысяч ушла не на упоминаемую ранее настойку «Русскую горькую»:

Разгулялися наши франтики,
И для дев расцвели средь ночей,
Покупалися бриллиантики,
Вместо красных простых кирпичей.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 527. Л. 1об.]

Наконец, даже в лаконичном куплете про растратчиков уточняется, что «в ресторанах червонцы летят» по вполне определенному адресу (приводим этот куплет полностью по другой записи, чем цитированный выше фрагмент):

В нарсудах у нас дела модное
Пра растратчиков всюду твирдять,
Деньги тратяца всё народные
В ресторанах чирвонцы литяць.
Ани тратятя на красоточек
Говорят «Нам тюрьма нипачем!»¹
Ни мишало бы хто их хапает
И таво бы слехка кирпичем.
[РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 523]²

В связи с образом «девицы-хищницы» в переработках «Кирпичиков» С.Ю. Неклюдов упоминает версию 10 (по нумерации в приложении к статье) — это песня «Алиментики», одно из многочисленных творений уличной сатиры на эту «горячую» для 1920-х гг. тему. В ее сюжете присутствует сходная в общих чертах схема: герой увлекается молодой привлекательной особой, которая оказывается расчетливой вымогательницей (требует алименты на ребенка, к которому он не имеет отношения), все оборачивается для него судом и, хотя и несравнимы с лишением свободы, как в случае с директором-растратчиком, но все же серьезными потерями и в достатке, и в репутации. Для этой группы песен сама тема предполагает наличие и сюжетную связь любовных, денежных и судебных отношений персонажей. При этом — если брать всю известную сово-

¹ Не исключено, что отсутствие страха обобщенного растратчика перед возможным наказанием — не просто художественная деталь, работающая на образ расхитившегося гуляки, бахвалящегося перед *красоточками* своим бесстрашием. Дело в том, что «в подавляющем большинстве случаев растратчик, чувствуя неизбежность своего разоблачения, спешил увеличить размер растраты настолько, чтобы сумма эта его обеспечила на срок, далеко превышающий судебную кару. Были такие случаи, что, предвидя пару лет тюремного заключения, растратчики назначали себе солидную пенсию и присваивали от 4 до 30 тысяч рублей, причем, как правило, все они поголовно сумели выработать такую систему, при которой у них вытянуть назад присвоенные средства оказывалось невозможным» [Стедьмахович 1925: 19]. Таким образом, вполне вероятно, что данный штрих попал в песню со страниц какой-нибудь газетной публикации, освещавшей конкретное судебное дело о растрате.

² «Сообщено И. Грызловой. Запись сделана 23/III 1928 г. в Москве в трамвае 2. Запись от двух беспризорников ленинградца и одессита. Песнь сочинена в Ленинграде главарем одной шайки беспризорников» [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 523].

купность «алиментных» песен и куплетов, не ограничиваясь упомянутыми выше «Алиментиками», — любовная история в них реализуется тоже по-разному: мимолетное знакомство, недолговечный брак, флирт с несколькими женщинами и т.д. Таким образом, и здесь дело не в конкретном сюжете и не в определенном типе центрального женского персонажа.

На самом деле, зона действия тенденции, в силу которой денежная тема возникает в песнях в устойчивой связке с любовной, не ограничивается не только случаями присутствия образа расчетливой вымогательницы, но и тематической группой песен о растратчиках (или об алиментах), да и в целом рамками уличной сатиры. Она достаточно отчетливо проступает и в других городских песенных традициях того времени (именно в них, в отличие, как кажется, от старой крестьянской лирики). Так, если мы обратимся, например, к текстам блатного фольклора, то увидим, что и там устойчивые ситуации, где задействованы деньги (воровство, торговля своим телом и др.), регулярно актуализируются не иначе как в связи с отношениями между мужчиной и женщиной. Сюжетные реализации этой взаимосвязи любви и денег имеют свои варианты, но практически всегда, как и в рассмотренных выше случаях, построенная на ней история приводит героя или героиню к несчастью, падению, смерти. Однако анализ данных материалов и наши соображения по поводу этой роковой закономерности остаются за пределами настоящей статьи.

Список сокращений

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

Архивные материалы

РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 325. Сборник «Современный фольклор» под редакцией, со вступительной статьей Ю.М. Соколова. 1933.

РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 503. Парижский дневник, блатные песни [и др.]. 1928–1935.

РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 527. Песни блатные, хороводные и лирические. 1935.

РО ИРЛИ. Р. V. К. 25. П. 7. Астахова Анна Михайловна. «Песни уличных певцов». Сборник. 1932.

РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 14. Астахова Анна Михайловна. «Песни уличных певцов». Сборник. Подготовка текстов, статья, комментарий А.М. Астаховой. 1932. [Л. 1–250].

РО ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. Ед. хр. 15. Астахова Анна Михайловна. «Песни уличных певцов». Сборник. Подготовка текстов, статья, комментарий А.М. Астаховой. 1932. [Л. 251–368].

Библиография

- Арсеньев Б.* Дела о растратах // Пролетарский суд. 1925. № 7. С. 2—3.
- Бедный Д.* Хорошо! // Правда. 1926, 8 янв. № 6.
- Борисов Е.* С.С.Р.-ский червонец. Ростов н/Д.: Юго-Восточное краевое отделение изд-ва Всерокомпом, 1924.
- Борьба с растратами кооперативных средств / Изд. Белебеевского Потребсоюза. Белебей: Тип. Потребсоюза, 1925.
- Глейзер М. М.* Советский червонец. СПб.: Реал, 1993.
- Гутырь И. Г.* Кооперативный агитсуд над растратчиком кооперативно-го имущества. М.: Центросоюз, 1927. (Кооперативное просвещение. Агитация и пропаганда).
- Информационно-директивное письмо о растратах / Изд. Сибирского краевого правления Союза советских и торговых служащих СССР. Новосибирск: Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Ф.Э. Дзержинского, 1927.
- Иогансен А.А.* Растраты и хищения. М.; Л.: Книгосоюз, 1926.
- Катаев В.* Мрачный случай // Смехач. 1925. № 37. С. 10.
- Катаев В.* Растратчики // Красная новь. 1926. № 10. С. 65—87; № 11. С. 34—75; № 12. С. 78—108.
- Лурье М.Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А.М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2—6.
- Мероприятия по борьбе с хищениями, растратами и злоупотреблениями в кооперации / Изд. Межкооперативного совета Волжско-Камского края. Казань: Татсоюз, 1926.
- Неклюдов С.Ю.* «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д. Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 271—303.
- Растрат не допускай, растратчиков не милуй. М.: Изд-во Центросоюза, 1926. (Б-ка крестьянина-кооператора. № 22).
- Растраты и растратчики: Рассказы / Собр. Ф. Благов. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926а. (Б-ка сатиры и юмора).
- Растраты и растратчики: Сб. ст. / Гос. ин-т по изуч. преступности и преступника. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1926б.
- Смушков В.* Червонец (для чего выпущены червонцы). М.: Красная новь, 1924.
- Соколов Ю.М.* Русский фольклор / Центр. ин-т повышения квалификации заочников нар. образ. Отд-ние рус. яз. и лит-ры. 2-й год обуч. Вып. 4: Частушки. Мещанские и блатные песни. Фабрично-заводской и колхозный фольклор. [М.]: Наркомпрос РСФСР; Учпедгиз, 1932.
- Стельмахович А.* Борьба с растратами. М.: Новая Москва, 1925.
- Челышев М.* Борьба судебных органов с растратами // Рабочий суд. 1925. № 49—50. С. 1851—1855.
- Яковченко Н.* О борьбе с растратами // Рабочий суд. 1925. № 49—50. С. 1855—1858.